

Валентина Павловна Федорова

МУРЗИК-НЯНЬКА

Коробка пустела, красивых черных пушистых котят разбирали. Остался один – самый маленький. Черная шерсть пробивалась проседью. Нет, не охотник, не душе отрада. Зато всех любил, лез ко всем со знакомством. Серьезному хозяину двора, Дину, позволял себя обнюхивать и даже старался лапкой задеть собачью лапу. К гостям лез на руки, пел громко свои песни. Он любил весь мир, и хотел, чтобы его любили. Однако красавец Мурзик в упор не видел уродца. Их отделяли два поколения, они были сыновьями Муськи, старший и младший. Старший держал дистанцию, не желая общаться с молодым жизнерадостным нахалом. Чувство собственного достоинства не позволяло Мурзику опуститься до банальной ссоры с малышом. А тот лез, напоминая о родстве. Приходилось брезгливо отряхивать лапы и уходить подальше: «Глаза бы мои тебя не видели». Бедняжка бежал чаще всего к матери, жаловался, а заодно и кормился. Но мать стала тоже исчезать – даже на целый день. Люди людьми, а свой своему поневоле брат. Понял: надо прибиваться к старшему. Это и подстегнуло. Однажды с трудом карабкаясь, котик поднялся на табурет, занятый Мурзиком. Солнце грело его сквозь окно, лень было слезать с теплого места. Котик пробрался к животу и задышал радостно в шерсть старшего. Что-то екнуло в душе кота, он кружком из своего тела окружил младшего и ... запел! Теперь они спали вместе, чаще всего на диване. Муська обрадовалась дружбе своих детей. Она поняла, что есть нянька и стала больше уделять внимания себе. Уже не слышали ее заботливого и предупреждающего мурлыкания, все переложила на сына. Младшего перестала кормить своим молочком. А он и не унывал, ел со старшим все, что давали. Муську домашние стыдили. Она, всегда заботливая мать, жила сама по себе, забыв о детях. Правда, у них у всех был общие чашки: для молока и варева. Только стол и связывал кошку с детьми. Вот и получается: нельзя все заботы забирать у матери. Это серый, полюбив брата, раньше времени лишил его материнской ласки. Да и молока тоже.